

ЛЮБЧАНЦЫ ШАГАЮТ В ГОРУ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Когда известно, время — появление условное. Часы для всех людей на земле одинаковы, ровно отсчитывают безвозвратные секунды, но далеко не равное количество событий и дел укладываются люди в это одноковое время. У одних оно насыщено интересными драмами и большими событиями, у других — проходит впустую, а то и просто стоит, как вода в затянутом рюкзаке непроточном озерце...

Мы смотрим сегодня на дела и достижения Белоруссии за годы, прошедшие между XIX и XX столетиями КПСС, и с полным правом и гордостью говорим: для белорусов, как и для всего советского народа, эти годы полны больших и замечательных дел. Особенно отрадны изменения, произошедшие за последние времена в колхозной деревне. Многие колхозы реструктурированы, которые долгие годы после войны никак не могли встать на ноги, сейчас, с приходом последцев партии — тридцатилетников заметно пошли в гору. Крепнет колхозное хозяйство, растут доходы, повышается оплата труда. А в результате — хорошие итоги. Скажем, в минувшем году, досрочно выполнены план хлебозаготовок. Белоруссия сдала государству сверх плана 1 264 тысячи пудов зерна. Самый высокий по последние двадцать лет урожай льна в республике был собран также в минувшем году. И в достижении этого поистине не примечательного успеха немалая заслуга тружеников сельского хозяйства Любчанского района, где мне пришлось побывать недавно.

В последнее время этот район становится все более известным в республике. О любчанских льноводцах часто говорят, пишут в прессе. И это понятно: в районе шестнадцать колхозов, и все шестнадцать в 1955 году получили от одного до трех и выше миллионов рублей годового дохода!

Признаюсь, это последнее обстоятельство даже несколько смущало, когда я ехал в Любчу. Думалось, будет ли характерным этот район? Может быть, в Любче особенно хорошие земли? Или, может быть, живут там потомственные мастера-льноводцы, имеющие богатый опыт по выращиванию высокодоходной технической культуры?

Но, приехав в Любчу, я убедился, что опасения напрасны: никаких исключительных условий в районе нет. Всемирный колхоз из шестнадцати расположены на песчаных и подзолистых землях, характерных для большинства районов республики, и эти восемь колхозов только два-три года назад едва справлялись с концами. Нет, успех любчанцев объясняется не какими-либо особыми условиями района или тем, что любчанцы выращивали такую высокодоходную культуру, как лен. Земли в районе могли быть лучше или хуже, в колхозах могли сидеть не лен, а скажем, кукурузу, табак или обратить главное внимание на животноводство, — результат был бы такой же. Дело в другом — в разумном, можно сказать, талантливом руководстве сельским хозяйством района, в организаторском умеении его руководителей работать с масштабами.

Продолжая, как развивались и крепли любчанские колхозы, нетрудно. Вся их история укладывается в какие-нибудь пять-шесть последних лет. Любча — один из западных районов Белоруссии, и здесь только в 1950 году завершилась коллективизация.

Секретарь райкома партии Павел Арсеньевич Железняков подводит нас к развернутой на стене многокрасочной карте района. Карта испещрена какими-то знаками, карандашными пометками. Район вытянут в длину и на севере упирается в

ется в голубую извилистую ниточку Немана, за которым с одной стороны раскинулись луга, а с другой — знаменитая Налибокская пуща. В районе около 18 тысяч гектаров пахотной земли, из них больше половины пески, подзол, а остальное суглинки.

Не имея опыта ведения большого колхозного хозяйства, ни хороших кадров колхозных вожаков, многие артели в первые годы никак не могли укрепиться, встать на ноги. Проходил год, другой, а колхозы попрежнему получали малые доходы. Государство давало колхозам кредит на строительство, ссуды на семена, на покупку инвентаря, но и ссуды эти часто не помогали.

Получался какой-то заколдованный круг, — рассказывает Павел Арсеньевич. — Низкая оплата труда вложила в себя падение трудовой дисциплины. Колхозники приходилось угооваривать выходить в поле. Работали спустя рукава. А не вложив в землю труда, какую же можно получить отдачи?

Павел Арсеньевич вспоминает, как, приедя в 1952 году к руководству района, он сразу же столкнулся с этими трудностями. Сколько тогда было требовать, сколько возникало вот здесь, в этом кабинете, горячих споров, сколько часов раздумья проведено над картой района...

Советы всем знакомой женщины из соседней деревни во многом помогли колхозникам «Верного пути». Вересковские с каждым годом все больше селятся, колхоз крепчает, богател. Большую помощь любчанцам оказал Институт сельского хозяйства Академии наук БССР, разработавший агротехнику выращивания льна на полях района.

И вот результаты: в 1953 году «Верный путь» от льна получила 324 тысячи рублей дохода, в 1954 году — больше миллиона, а в 1955 — 2 миллиона рублей. На трудодень колхозникам выдали, кроме зерновых, семена и картофеля, по 5 рублей деньгами, а льноводам — даже по 20 рублей!

Обратно потянувшись в Вересковские люди, ушедшие на отходные работы в город. Даже с далекого севера, с лесоразработок, вернулось нескользко семян. Теперь уже не приходится председателю Филиппу Никитичу ходить по хатам да зазывать людей на работы.

Не легки были первые шаги работы новых председателей. И самая большая трудность состояла в том, что многие колхозники развеялись было в возможности обеспечить себе хороший доход, работая в общественном хозяйстве.

— Тяжело было в нашем Вересковске, — вспоминает Филипп Никитич Агеев. — Люди распознались из колхоза кто куда. Молодежь уходила в город на любые работы. Некоторые семьями уезжали в Карело-Финскую республику на лесоразработки. А большинство занималось личным хозяйством.

Новый председатель «Верного пути» правильно решил, что начинать надо с главного — с посевной, кропотливой работы с людьми, с внедрением новых передовых агротехники. Мобилизовали все силы на заготовку и вывозку удобрений; ведь от этого зависел урожай будущего года.

Пришла осень 1953 года, и оказалось, что урожай не оправдал ожиданий колхозников. Пополнились колхозные засеки, были засыпаны семена под посев будущего года, а на гряду пришлося приложить еще больше усилий.

Успехи любчанских колхозников, конечно, не являются результатом какого-то чуда. Льноводы Любчи завоевали их своим упорным трудом. А труд колхозный высоко оценивается народом, Коммунистической партией. В этом лициний раз забудились любчанцы, читая в газетах проект директивы по шестому пятилетнему плану.

Успехи прошлого года — явление привычное. Они свидетельствуют о том, что в новом пятилетии любчанцы сделают еще более значительный шаг вперед. Уже сегодня они твердо шагают вперед!

Любча, Гродненской области

том, постоянное существование крепких колхозов над малоизменными.

Помощь сильных колхозов, расположенных в восточной стороне района, колхозам слабым привнесла разнообразные формы. Председатель «Великого Октября» Михаил Секрета пошел даже на то, что рекомендовал своего заместителя, хорошо и вдумчивого работника Ивана Клюкевича, председателем отставшего колхоза имени Калинина.

Но, пожалуй, самым действенным в этом дружеском соревновании был широкий обмен передовыми опыты. В отстающие колхозы прислали лучшие хлеборобы, льноводы, животноводы и простые, понятным языком рассказывали, как они добиваются высоких урожаев продуктивности скота, какие получают доходы. Прошло уже три года, а в колхозе «Верный путь» и по сей день помнят беседу Софии Шикалович, звезды по льну из соседнего колхоза имени Дзержинского. Она рассказала о своем колхозе, о себе, о том, как научилась выращивать лен и стала мастером своего дела.

— Э, милая, так у вас же земли какие! Разве у нас на песках такой лен вырастить? — возражали ей вересковские колхозницы.

— Бабоньки, год — не век, попробуйте, потрудитесь одно лето, сами увидите, что будет, — отвечала Шикалович. — А я вам так скажу: не в земле дело, а в труде.

Советы всем знакомой женщины из соседней деревни во многом помогли колхозницам «Верного пути». Вересковские с каждым годом все больше селятся, колхоз крепчает, богател. Большую помощь любчанцам оказал Институт сельского хозяйства Академии наук БССР, разработавший агротехнику выращивания льна на полях района.

И вот результаты: в 1953 году «Верный путь» от льна получила 324 тысячи рублей дохода, в 1954 году — больше миллиона, а в 1955 — 2 миллиона рублей. На трудодень колхозникам выдали, кроме зерновых, семена и картофеля, по 5 рублей деньгами, а льноводам — даже по 20 рублей!

Обратно потянувшись в Вересковские люди, ушедшие на отходные работы в город. Даже с далекого севера, с лесоразработок, вернулось нескользко семян. Теперь уже не приходится председателю Филиппу Никитичу ходить по хатам да зазывать людей на работы.

Не легки были первые шаги работы новых председателей. И самая большая трудность состояла в том, что многие колхозники развеялись было в возможности обеспечить себе хороший доход, работая в общественном хозяйстве.

— Тяжело было в нашем Вересковске, — вспоминает Филипп Никитич Агеев. — Люди распознались из колхоза кто куда. Молодежь уходила в город на любые работы. Некоторые семьями уезжали в Карело-Финскую республику на лесоразработки. А большинство занималось личным хозяйством.

Новый председатель «Верного пути» правильно решил, что начинать надо с главного — с посевной, кропотливой работы с людьми, с внедрением новых передовых агротехники. Мобилизовали все силы на заготовку и вывозку удобрений; ведь от этого зависел урожай будущего года.

Пришла осень 1953 года, и оказалось, что урожай не оправдал ожиданий колхозников. Пополнились колхозные засеки, были засыпаны семена под посев будущего года, а на гряду пришлося приложить еще больше усилий.

Успехи любчанских колхозников, конечно, не являются результатом какого-то чуда. Льноводы Любчи завоевали их своим упорным трудом. А труд колхозный высоко оценивается народом, Коммунистической партией. В этом лициний раз забудились любчанцы, читая в газетах проект директивы по шестому пятилетнему плану.

Успехи прошлого года — явление привычное. Они свидетельствуют о том, что в новом пятилетии любчанцы сделают еще более значительный шаг вперед. Уже сегодня они твердо шагают вперед!

Любча, Гродненской области

По итогам социалистического соревнования 1953 года Налибокский район, за хорошую постановку организационно-массовой работы и оказание помощи колхозам «Новая жизнь» присуждено первое место с вручением первой премии Совета Министров Литовской ССР. Большая культурно-просветительская работа в селе началась. Весьма интересна и сама жизнь колхозников приходилось угоаривать выходить в поле. Работали спустя рукава. А не вложив в землю труда, какую же можно получить отдачи?

Фото Л. Мейнера

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Памятник

Он век трудился, устал не зная,
Век хлопотал в цеху у верстака.
А если бы ему судьба такая, —
Что памятник отлили бы на вена?

Сутильный, он стеснялся бы кого-то, —
Таким его б запечатлела медь.
И руки, отнятые от работы, —
Так и не знал, куда бы деть.

Александр ЛЮКИН

горький

◇ ◇ ◇

Опспающий участник

Я вам звоню. Но разве
Застанешь вас в кабинете?
Мотаешься по плотине,
Словно днепровский ветер.
Что там еще такое,
Опять задержка с бетоном?
Поговорить с прорабом,
И подходящим тоном.
Решить, направить, ускорить,
Перекусить — у блока...
И все-таки на участке
В этом меснице плохо,
И'будет план еле-еле,
И за работу такую
Вас на бирю сегодня
Здорово критикуют...
Если бы только знали,
Как я думаю часто,
Как хочу, чтобы был первым
Отставший участок.
И будет. Нельзя иначе.
Трудности — вам по росту.
Ничуть не идет вам как-то
Все, что дается просто.

Елена ЛЮБОМСКАЯ

новая каховка

◇ ◇ ◇

В костяле

Заутраена. Певчие смолки.
Под сводами сумрак разлит.
И падают ишикоглы на
холмистые склонисты.
Окутан безмолвным кипрос,
и женщины стынут у стен.
С колен мы поднимли полмира
и их мы поднимем с колен.

Гр. КАНОВИЧ

вильнюс

◇ ◇ ◇

Забытое оружие

Наши газеты ведут постороннюю борьбу против нарушителей общественного порядка, против всяких родоаморальных проступков. Но

мы можем и забыть оружие.

В период коллективизации

они сыграли неоценимую роль.

В период специализации

Иллюстрации художника Е. Кибрика к «Легенде об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Книга готовится к выпуску издательством «Молодая гвардия».

ТЕМА детства, имеющая давние и прочные традиции в русской литературе, породила в советскую эпоху целые полки книг, написанных о маленьких героях. Особое место занимают здесь повести и романы, рассказывающие о мальчиках и девочках, которым довелось вступить в жизнь в первые годы революции, в годы гражданской войны и интервенции, разрухи и голода. В большей или в меньшей степени автобиографичные, эти книги воссоздают преломленную через детское сознание, напряженную, полную величия и драматизма обстановку того не повторимого времени. Вспомним популлярную в 20-е и 30-е годы повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный». Если говорить о более поздних примерах, то тут можно назвать хотя бы «Повесть о сурвоне друге» Л. Жарикова, да и много других произведений, пользующихся неизменным успехом не только у юного, но и у взрослого читателя.

Тема детства, осознавшего себя в годы борьбы за установление советской власти, получила широкое распространение и в литературах многих наших народов. И не буду перечислять все достигнутые здесь успехи, их тоже немало, напомню только, к примеру, что несколько лет назад якутский писатель Н. Мордиков выпустил сразу появившуюся читателью книгу «Весенняя пора», познакомив нас с судьбой мальчика-якута Никиты Лягларина, ставшего свидетелем участника борьбы с контрреволюцией на северо-востоке нашей страны, в краю кремучей тайги и жестоких морозов.

И вот теперь свидетница Никита Лягларина, упрямая, насыщенная и неугомонная Арцивик из романа армянской писательницы Ахавни «Ширак», перекликается с ним через неизбранные пространства Советского государства. Детство Арцивика раскрывается перед нами тоже на фоне революционных событий и гражданской войны. Но далеко Закавказье от Якутии. Для Арцивика все было по-другому, начиная с пейзажа, климата, обычая и правов и кончая перипетиями политической борьбы. И в то же время как много общего в переживаниях Арцивика и Никиты, в их симпатиях и антипатиях, их судьбах, устремленных в единой цели.

Ведь и для маленькой Арцивик это обычный, но не притягательный, каждый раз заново повторяющийся процесс открытия мира ребенком, процесс приобщения его к «взрослой» жизни, связан с коренной ложкой этой жизни, с открытием нового мира для всего человечества. А именно в этом — значение, смысл и содержание рассказа о детстве и якутского мальчика и армянской девочки. Их широкие раскрытыми, удивленными глаза, их любопытный жадный ум стали постигать все происходящее вокруг в ту эпоху, когда в борьбе и муках нарождалось новое общество и целые народы выходили на новую дорогу исторического развития. Новизна переживаний, обусловленная возрастом маленьких героев, их биографий, усиlena здесь новизной, присущей временем, историей. А отсюда — острота в сжатости восприятий, открытий. Арцивик, отсюда и тот интерес, который они представляют для нас.

Арцивик росла в белой армянской деревушке, казалось бы, вдали от шумных событий века. Но отзвук этих событий доносился и сюда. Погиб на войне отец, без него вернулся с фронта дядюшка Авет. Непонятный мир, полный сложностей и противоречий, день за днем раскрывается перед девочкой. Когданикуль Арцивик находит ее противоречиями классовыми, социальными, а пока она воспринимает окружающую ее всей конкретностью детского мышления. Помещик Артушага, его управляемый Каро, староста Симон — люди цехов, злые, несправедливые, чужие. Да-да Агадж, безногий Авет, каменица Да-да, городничий Никол, русский языц Иван, работник на мельнице, — это свои, близкие, хорошие, добрые люди. Где-то идет война. Пары никак не могут договориться между собой, и потому солдаты убивают друг друга. Но вот приходит весть, что в Петровске сбросили с трона царя Никола, того самого царя, у которого тысяча стад баранов, семь морей и семь суш.

В ту пору Арцивик еще не пробудилась для сознательной жизни, но она уже жалко предчувствует, торопит ее, со всем, что в ней будет радостного и трудного. Дерзкая, гордыня, отважная, она растет неподалеку и сорванным, неутомимым проявлениям, который до всего есть дело, которая, не задумываясь, пускает в ход свой острые язычки, а то и кулачи. Ненасыщая общительность и неумное любопытство толкают ее на всякие безрассудные поступки, которые порой обворачиваются крайне невыгодным образом не только для самой Арцивик, но и для близких ей людей. Каждая новость, каждая подслушанная у взрослых тайна буквально расширяет ее и толкает на новые затеи, которые спят-таки приводят к печальным результатам. Но Арцивик не может иначе — слишком большой заряд жизненной энергии несет она в себе.

Но есть в романе и такие страницы, где писательница словно перестает доверять повествовательским способностям своей Арцивик и начинает подсказывать ей вслух, вкладывая в уста юной героини не свойственные ее возрасту слова и выражения, отчего чуткая девочка удивляется, утрачивает свое очаровательное детское простодушие.

Будет рассказываться о беженцах на догоне:

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Б. РУНИН

появляется радуга, прогеби под ней, и — свет солнца! — там уже мальчик!»

Тут же движут не только жажды новых впечатлений. Во-первых: «Нет мальчины должно терпеть, и должна стать мальчины, иначе мы проходим с головой!» И, вторых: «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч; их сыновья Ваню и Габо). Да и некоторые ситуации кажутся здесь повторяющимися оттого, что особенное в них заслонено общим.

К счастью, таких страниц и анекдотов немного. Каждый раз творческое единство, душевное содружество писательницы и героя неожиданно нарушается тональностью повествования, а тем самым и права чувств деточки. Ее переживания обличены здесь не свойственную ее возрасту, все-личину словесную форму.

А бывает и так, что, захваченная восхищением в памяти потоком событий, писательница просто забывает напомнить Арцивик нужные детали, отличительные особенности человека, присущие только ему. «Вы даже не представляете, как меня обижает, когда у нас в доме без конца говорят: «Если у нас была хоть девушка ее матеря, либо кудырирут друг друга (например староста Симон и староста Мукуч

Последний день в Порккала-Удд

Я пишу в вагоне последнего воинского поезда, уходящего из Порккала-Удд в Советский Союз...

Ночью был крепкий мороз. К скриписту острою Рённшер, где светят маяк международного фарватера и подает радиосигналы новый, построенный советскими моряками мощный радиомаяк кругового действия, сквозь льды пробился ледокольный пароход «Тазуя» из Эстонии. Он привез с тремя матросами, вот уже полтора месяца несущими одиночную и трудную вахту на пустынном острове.

Сегодня на вахте был матрос Пятышев — он послал из своей радиорубки далеко слышимые кораблями плаветные сигналы. Кругом — безмолвие. Покинуты все острова, опустели лодки лоцманских станций. Безмолвие и на всей обширной территории района Порккала-Удд. Сотни домов стоят закрытые, в сугробах, оставленные их обитателями. Накануне военные пекари выпекли партию хлеба на дорогу последнюю эшелону и заперли ее на замок. Покинуты подземные склады, прикрыты, где недавно стояли боевые корабли. Только дороги, много километров шоссейных дорог, расчищенных от снега, посланных паском, говорят о том, что жизнь здесь продолжается, что все готово для передачи полуострова финнам.

Утром из Хельсинки вышло ледокольное судно «Аппю». Оно доставило на остров Рённшер смену. Вахта трех балтийских матросов на международном фарватере окончена.

И этим же утром границу пересек финский служебный поезд. Граница была уже условной, пограничные столбы были сняты еще несколько дней назад, и столб № 92, проставивший более пятнадцати лет на рубеже порккаль-уддской базы, отправлен в музей пограничной войны. Поезд остановился у постов, поставленных и оставил там финский железнодорожный персонал, которому наши солдаты передали стационарное устройство и технику.

И вот длинный состав классных вагонов стоит у перрона станции Киркконуми, против здания вокзала, в котором уже дежурили финские железнодорожники. Под стационарным колоколом белая вывеска на двух языках — финском и шведском. Автомотриса собирается с передаваемыми станций наших пограничников, стрелочников, связистов. К двум часам дня по московскому времени заканчивается погрузка.

Начальники дороги полковник И. Своечкин и обер-директор финских железных дорог г-н Лехтинен свярывают часы: в Хельсинки в это время представители Советского и Финского правительства подписывают Заключительный Протокол. Своечкин и Лехтинен подписывают акт о передаче дорог. Звонят телефоны. Своечкин автоматически протягивает к нему руку, потом смеется и говорит Лехтинену:

— Теперь уже вы, пожалуйста, вы — ходите.

Все происходит в атмосфере исключительного дружелюбия и благожелательности. «Хорошо» — в эти дни самое популярное здесь слово. Финские рабочие, инженеры, служащие видят, что, вопреки утверждениям иных заокеанских клеветников, территория базы сдается в образцом порядке.

Двести журналистов ожидают у границы территории Порккала-Удд разрешения на въезд в этот район. Многие из них ждут сенсационных сообщений о якобы произведенных «разрушениях». «Сенсаций не будет», — сказал в адрес заокеанских журналистов министр обороны Э. Скут в беседе с корреспондентами после осмотра территории Порккала-Удд, которую он и его спутники нашли в полном порядке.

Два паровоза увозят эшелон — сотни людей, последних из тех, кто нес здесь самую отверженную и благородную воинскую службу, прильнули к окнам, прощаются с финской землей. Я вспомнил вопрос, заданный сегодня утром одним финским рабочим русскому старшине-сверхсрочнику:

— Вам не жалко оставлять эти станицы?

— Доверие дороже, друг, — ответил старшина. — Я здесь прослужил одиннадцать лет. Пришел сюда, когда ваша страна была союзницей Гитлера, а уж окою, когда вы стали нашими добрыми соседями и верными друзьями. Это нам и вам всего достаточно.

Справедливость этих слов мы почувствовали еще раз, проезжая через финские станции, где собирались простые люди, чтобы приветствовать советский воинский эшелон, и особенно на станции Пасила на окраине Хельсинки, запруженной народом, приведшим на проводы советских друзей.

Около часа в этот морозный вечер проплыл митинг на окраине города Хельсинки. Сколько было сердечных слов, рукопожатий, сколько сувениров подарено на память солдатам и офицерам Порккала-Уддского гарнизона!

«Приезжайте в Хельсинки», «До встречи на фестивале в Москве!» — доносилось вслед нашему поезду.

ВЛ. РУДНЫЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты».

Окончание. См. №№ 144, 146, 148, 149, 150, 152. «Литературная газета» за 1955 г. №№ 3, 5, 9 за 1956 г.

АМЕРИКА
И АМЕРИКАНЦЫ

Визиты и маршруты

Н. ГРИБАЧЕВ

Эти строки — нечто вроде необходимого послесловия.

Одна американская газета, еще до того, как ее корреспондент встретился с нами, писала, что, в общем, США и ССР должны достигнуть взаимопонимания, только для этого надо, «чтобы Кремль отвел все свои войска и перенесли политику». Почему нужно отводить советские, а не американские войска, буда и с какой целью им надо отводить, — об этом газета забыла упомянуть. Однако она не выдвинула требований, чтобы перенести седаны американского сената на берега Москвы-реки, а ценности Госбанка передать Рокфеллеру или Моргану, — только в этом и произвела высшую меру ее здравомыслия...

Что сказать, когда сказать нечего? Роберту Мэрифу ничего не оставалось, как признать, что США увеличивают армию. При этом он упомянул стереотипную побасенку об угрозе со стороны Советского Союза... И, наконец, — внимание, господа американские журналисты, это для вас, недопущенных на беседу с мистером Мэрифом, особенно интересно! — наконец мы спросили, — Разрешите нам посмотреть Техас... Ковбой все-таки, прерин, Майн-Рид и О. Генри...

Так Техас и техасцев мы и не увидели.

Мы очень просили в Аризоне:

— Разрешите нам посмотреть резервации индейцев... И не по нашеуму, а по вашему выбору, даже самые лучшие из лучших, где, по вашим утверждениям, индейцы живут хорошо!

Посмотреть резервации нам не разрешили.

Рядом с Нью-Йорком, отделенный от него всего лишь зеленою водой Гудзоном, находится Нью-Джерси. Нам и туда не удалось попасть, потому что, как оказалось, въезд туда был запрещен...

Когда мы уже возвращались домой, в Париже, на улице Ваграм, мы смотрели синематограф. Это — кино, которое на большой полукруглый экран демонстрируются сразу три синхронно отснятые киноленты. Впечатление от всего этого довольно любопытное, видишь перед собой, что называется, от горизонта до горизонта, хотя само изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?

— Такие поездки требуют обсуждения и подготовки...

— Но все-таки, в конечном счете, вы за такие поездки или против? — добивались мы сколько-нибудь определенного ответа.

— В общем, конечно, да, но, как я уже сказала...

Когда мы вошли, мы спросили у мистера Мэрифа: может быть, нам спрятать блокноты и не выносить сора из избы? Роберт Мэриф сказал, что он не боится гласности. Пользуясь его любезным разрешением, мы и передаем содержание нашей беседы, правда, изобретение еще несовершенно и на стыках лент прилягают невпопад. Но дело не в этом. Программа завершилась такую опасность для строя капиталистического?